Фемицид не признает карантина: пятнадцатое письмо (2020)

Women in Public Places / Женщины в общественных местах, 2012. Shehzil Malik / Шехзиль Малик.

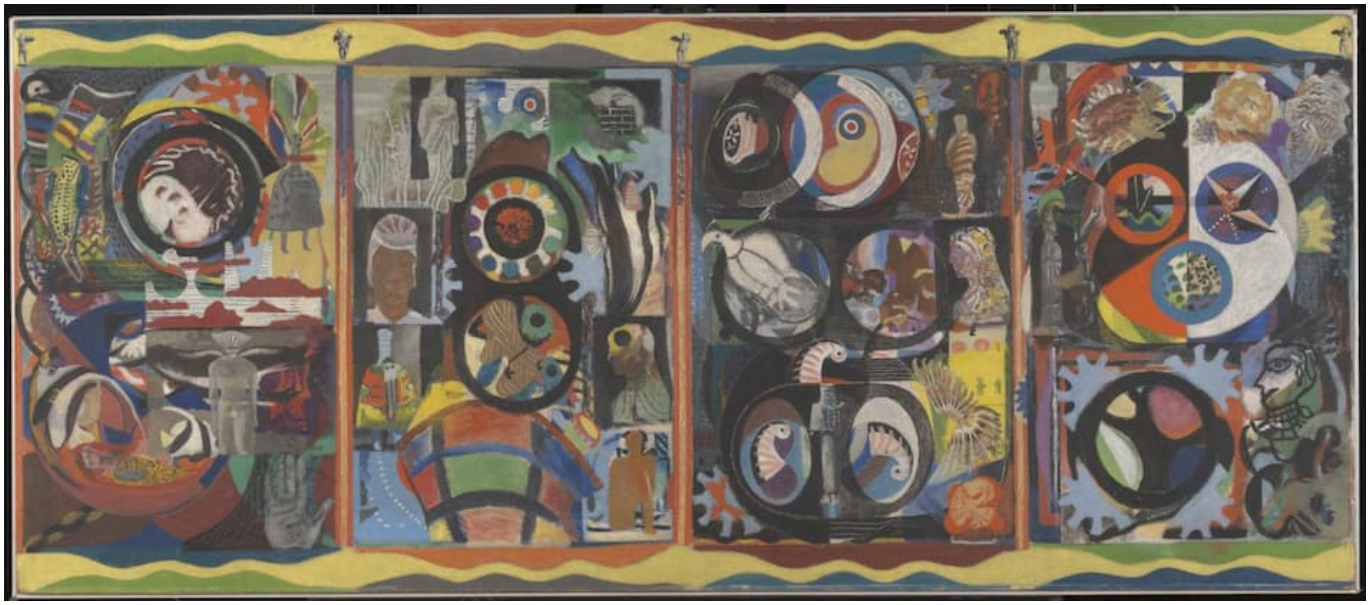
Дорогие друзья и подруги,

Приветствую вас из кабинета **Tricontinental: Института социальных исследований**.

Дни, недели, месяцы, неопределенное количество времени — мир, кажется, парализован путешествием SARS-CoV-2. Отсутствие уверенности усиливает тревогу. Этот вирус, как **пишет** Арундати Рой, “стремится к быстрому распространению, а не к прибыли, и поэтому непреднамеренно, до некоторой степени, изменил направление движения [капитала]. Он посмеялся над иммиграционным контролем, биометрией, цифровым наблюдением и всеми другими видами анализа данных и нанес сильнейший удар — до сих пор — по самым богатым и могущественным странам мира, заставив двигатель капитализма резко остановиться”. Режимы строгой изоляции теперь стали почти повсеместными, планета стала более тихой, птичье пение стало громче. Предостережение Арундати Рой “до сих пор” имеет важное значение, поскольку вирус начал проникать в зоны крайней нищеты — в трущобы Дхарави, Индия, и в Город Бога (Cidade de Deus) в

Бразилии.

В большом **докладе** Организации Объединенных Наций с обнадеживающим названием «Общая Ответственность, Глобальная Солидарность» (*Shared Responsibility, Global Solidarity*) говорится, что глобальная пандемия “атакует общества в их самую сердцевину”. Социальные и государственные институты были настолько опустошены во многих частях мира, что они просто не способны справиться ни с медицинским, ни с социальным, ни с экономическим кризисом. Директор-распорядитель Международного Валютного Фонда, Кристалина Георгиева, **заявила**, что возможности восстановления экономики до 2021 не существует. Мы находимся в апреле 2020 года; это почти так же, как если бы весь календарный год 2020 года был отменен.



The Autobiography of an Embryo / Автобиография эмбриона, 1933-34. Eileen Agar / Эйлин Агар.

Кажется, одно обстоятельство объединило целый ряд людей: полное недоумение по поводу провала буржуазного порядка и значительный отход от веры в «свободный рынок» для правильного распределения ресурсов. Даже *Financial Times* **придерживается** такой точки зрения:

Необходимо будет провести радикальные реформы, изменив преобладающее направление политики последних четырех десятилетий. Правительствам придется взять на себя более активную роль в экономике. Они должны будут рассматривать государственные услуги в качестве инвестиций, а не в качестве обузы, и искать способы сделать рынки труда менее уязвимыми. На повестке дня опять будет стоять перераспределение, речь идет о

привилегиях пожилых и богатых. Политические меры, до недавнего времени считавшиеся эксцентричными, такие как базовый доход и налог на богатство будут взяты на вооружение.

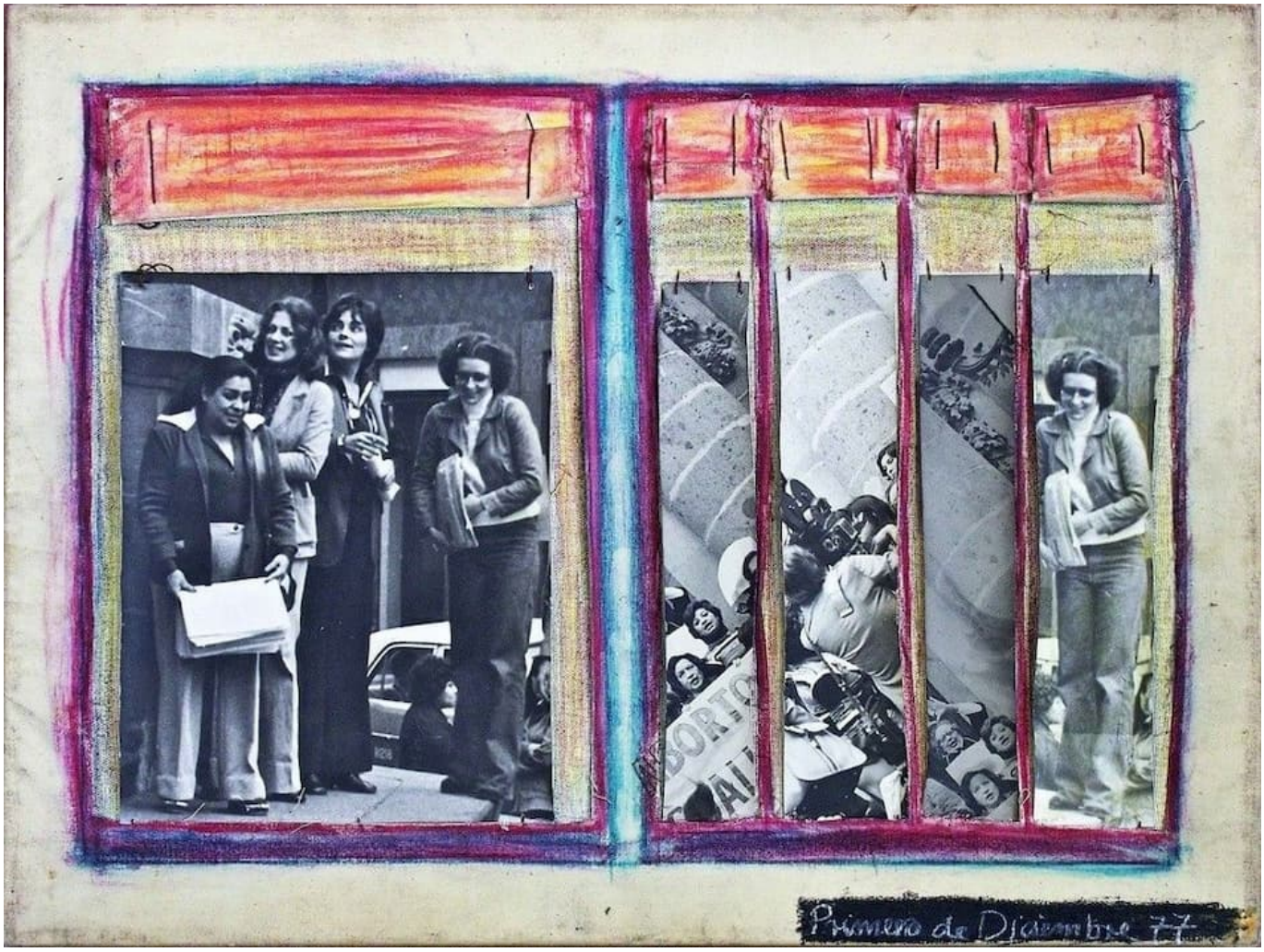
Фумзиле Мламбо-Нгкука, заместитель генерального секретаря ООН и глава организации «ООН-Женщин», недавно **написала**, что глобальная пандемия “является глубоким потрясением для наших обществ и экономик, обнажая недостатки государственных и частных механизмов, которые в настоящее время функционируют только в том случае, если женщины играют многочисленные и неоплачиваемые роли”. Это резкое заявление и требует серьезного размышления.

Miss Nature / Мисс Природа, 2016. Shia Yih Ying / Шиа Их Ин.

Работники системы здравоохранения.

Почти три из четырех основных работников передовой, от медицинского персонала до санитаров, — **являются** женщинами. Одно дело — петь дифирамбы, в честь этих работников, и совсем другое —признать их давнее стремление к объединению в профсоюзы, к повышению заработной платы и улучшению условий труда, а также к позициям лидерства в своих профессиях. Почти все административные должности в больничной сфере по всему миру занимают мужчины.

В Индии вся тяжесть любой чрезвычайной медицинской помощи ложится главным образом на плечи 990 000 Аккредитованных Активисток Социального Здравоохранения (*Accredited Social Health Activists*, *ASHA*), Анганвади или работниц по уходу за детьми, а также вспомогательных медсестер-акушерок. Эти работники, почти полностью женщины, получают крайне низкую зарплату (их низкая зарплата часто удерживается месяцами), они недостаточно обучены и лишены даже самой элементарной защиты (они рассматриваются как «почетные добровольцы», нелепая категория, используемая правительством). В прошлом году работники ASHA были вовлечены в цикл борьбы за улучшение условий своей занятости; кроме небольших побед здесь и там, они были в основном проигнорированы (подробнее об этом читайте наше июльское интервью в **досье №18** с К. Хемалатой, президентом Центра Индийских Профсоюзов). Во время этой пандемии именно работники ASHA и Анганвади ходят из дома в дом, проверяя семьи, делая это без элементарной защиты (такой как маски и дезинфицирующее средство для рук). Это передовые работники общественного здравоохранения, которых сейчас чествуют на словах, но которым отрицают основную защиту в виде объединений в профсоюзы, в гарантиях занятости и адекватной заработной платы.



Primero de diciembre / Первое декабря, 1977. Mónica Mayer / Моника Майер.

Усиление гендерных ролей.

Два года назад Международная Организация Труда опубликовала **исследование**, которое показало, что женщины выполняют 76,2% неоплачиваемой работы по уходу, что в три раза больше, чем мужчины. МОТ пришла к выводу, что “отношение к гендерному разделению оплачиваемой и неоплачиваемой работы по уходу меняется, но модель семьи с «мужчиной-кормильцем» остается очень укоренившейся в обществе, а роль женщин по уходу в семье по-прежнему занимает центральное место”. Это бесспорная ситуация в «нормальные» времена; во время пандемии это структурное неравенство и эти культурные предубеждения становятся мучением.

Те аспекты работы по уходу, которые были облегчены институтами и структурами общества, теперь закрыты. Школы закрыты, поэтому дети вынуждены заниматься дома; люди пожилого возраста не могут встречаться друг с другом в парках, поэтому их нужно развлекать и ухаживать за ними дома. Ходить за покупками стало более обременительным, а уборка стала более необходимой — все эти задачи, очевидно, ложатся на плечи женщин.

Насилие против женщин.

До Коронашока в среднем 137 женщин по всему миру теряли свою жизнь от рук члена семьи каждый день. Это шокирующее число. Как **выразилась** Рита Сегато, после Коронашока участились не только случаи насилия в отношении женщин, но и их жестокость, поскольку неофашистские идеи подчинённого положения женщин затмевают более просвещенные представления об эмансипации женщин. В Аргентине лозунг *el femicido no se toma cuarentena*, или “фемицид не уходит на карантин”, ясно говорит о том насилии, которое было вызвано глобальным режимом изоляции. В каждой отдельно взятой стране поступают сообщения о росте насилия в отношении женщин. Сети поддержки перегружены, безопасные укрытия трудно достижимы.

В Тренто (Италия) прокурор, Сандро Раймонди, заявил, что в случае насилия в отношении женщин насильник должен покинуть дом, а не жертва. Итальянская Конфедерация труда **заявила**: “Вынужденное нахождение дома из-за коронавируса является трудным для всех, но оно становится настоящим кошмаром для женщин, ставших жертвами гендерного насилия”. Такие креативные подходы к борьбе с насилием в отношении женщин необходимы.

Феминистская организация *Coordinadora Feminista 8M* из Чили подготовила **Феминистский Чрезвычайный план борьбы вовремя Коронавирусного кризиса**. Этот план, который в некоторых элементах напоминает **платформу**, созданную Интернациональной Народной Ассамблеей и институтом социальных исследований Tricontinental, состоит из четырех основных элементов:

1. Разработать стратегии коллективной феминистской взаимопомощи. Создать сети солидарности и взаимопомощи, которые борются с индивидуализмом и уважают социальное дистанцирование. Во-первых, провести обследование окрестностей. Во-вторых, создать команды по уходу за детьми. В-третьих, мобилизовать медицинских работников для оказания помощи населению.
2. Противостоять патриархальному насилию. Создать механизм коллективного реагирования на случаи насилия в отношении женщин. Разработка местных планов действий в чрезвычайных ситуациях для женщин и детей с целью выхода из опасных ситуаций, таких как создание телефонных линий экстренной помощи и открытие приютов.
3. Призвать к всеобщей “забастовке на всю жизнь”. Забастовке против всех видов производственной деятельности, которые не ориентированы на здравоохранение; защита права оставаться дома во время пандемии и создание системы вознаграждения для тех, кто выполняет различные формы труда – такие, как основная и часто невидимая работа по уходу. Требуйте безопасных условий труда для необходимых работников, особенно в таких профессиях, как здравоохранение и транспорт.
4. Требуйте срочных мер, которые ставят на первое место заботу о нас, а не их прибыль. Жизнь бесценна; поэтому требуйте оплачиваемого медицинского отпуска, бесплатного ухода за детьми, домашнего ареста для тех, кто находится в тюрьмах, замораживания цен на товары первой необходимости и продуктов санитарии, планового производства для социальных нужд (а не для получения прибыли), компенсации для *всех* лиц, осуществляющих уход (формальный и неформальный), бесплатного качественного медицинского обслуживания для всех, приостановления долгов и дивидендов, свободного доступа к воде и электричеству и запрет на увольнение работников.

El Paro/ Забастовка, 2018. Cecilia Vicuña / Сесилия Викунья.

Каждый из этих пунктов совершенно интуитивно понятен и полезен не только в Латинской Америке, но и во всем мире. Но этот чрезвычайный план только, как выразился алжирский поэт Раби Джалти в стихотворении *Shizufriniya* (Шизофрения), — одна улица; всегда есть другая улица.

> *Я словно две улицы.*
> *Одна выглядывает в абрикосовый сад и нарциссы,*
> *И утро стихов.*
> *Она ведёт в океан слов.*
> *Другая, чьё имя распростёрлось над горизонтом и имеет цвет хлеба,*
> *Чьё лицо смотрит во все стороны,*
> *Чья широта накрыла всё вокруг*
> *И чуть меня не задушила.*

Солидарность с жителями лачуг в Южной Африке.

Именно эта удушающая улица привела местное правительство в Дурбане (Южная Африка) к насильственному **выселению** обитателей лачуг. Потому что мы думали о другой улице, Арундати Рой, Ноам Хомски, Наоми Кляйн, Янис Варуфакис и я написали это **возражение**. Именно на этой другой улице люди жаждут земли, чтобы не только строить свои дома на ней, но и возделывать её. От Южной Африки до Индии и Бразилии голод поднимает вопрос о земле.

В нашей последней публикации, **досье № 27** (апрель 2020), «*Народная аграрная реформа и борьба за землю в Бразилии*», мы показываем, как этот вопрос о земле мотивирует борьбу не только за землю, но и за социальные преобразования. Наш офис в Сан-Паулу пишет, что в основе этой борьбы лежит “перестройка социальных отношений — в том числе реконструкция гендерных отношений и противостояние мачизму и гомофобии, в том числе, – а также требование доступа к образованию в сельских районах на всех уровнях”.

Мы расскажем больше о борьбе за землю в нашем следующей письме, на который вы можете подписаться на нашем **сайте**, и который вы можете прочитать на английском, испанском, португальском, хинди, французском, китайском, русском и немецком языках.

До Коронашока, пока вы читали это письмо, где-то в мире произошло бы два фемицида; вовремя Коронашока это число выше. Это *должно* закончиться.

С теплотой, Виджай.